

Ю.И. Смирнов

Институт мировой литературы РАН, Москва

Пробуждение Еруслана Лазаревича

В свое время князь В.Ф. Одоевский подарил М.Ю. Лермонтову записную книжку с тем условием, что поэт возвратит ее заполненную стихотворениями. Записную книжку возвратили Одоевскому уже после гибели Лермонтова. Помещенные в ней стихи и заметки датируют апрелем-июлем 1841 г., последними месяцами жизни поэта. Не все они сразу увидели свет. Так, одна из примечательных заметок – о судьбе России – впервые была опубликована только в 1860 г. С тех пор она неизменно воспроизводилась в собраниях сочинений М.Ю. Лермонтова:

«У России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем.

Сказывается сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем 20 лет и спал крепко, но на 21 году проснулся от тяжелого сна – и встал и пошел... и встретил он тридцать семь королей и 70 богатырей и побил их и сел над ними царствовать...

Такова Россия» [Лермонтов, 1981, с. 350, № 25].

Как видим, текст исключительно краток, что, разумеется, затрудняет его восприятие и понимание. В нем всего три фразы, одна другой темнее. И построены они как тезис (утверждение), доказательство тезиса (обоснование) и вывод.

Обстоятельства записи заметки неизвестны и вряд ли когда-либо станут известными. Можно допустить, что Лермонтов услышал это суждение от кого-либо. Опираясь на неожиданную связку категорического утверждения первой фразы с внешним фольклорным содержанием второй фразы, можно также предполагать, что он сам связал эти фразы: обе мысли долго хранились в его голове порознь, как вдруг, быть может, из-за внешнего толчка, например, в виде спора о судьбе России, обе мысли соединились, причем вторая фраза послужила доводом в пользу категорического суждения в первой. Оба наши предположения по существу равноценны, и не одно из них не доказуемо, тем не менее, исходя из знаний о характере Лермонтова и его пристрастии к резким и неожиданным суждениям, мы склоняемся к тому, чтобы именно его считать автором заметки.

Если Лермонтов не оставил трактата или сколько-нибудь подробно изложенных представлений о прошлом своей страны, то это не означает, что он ничуть не интересовался и не знал его хотя бы по «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Уже поэтому, даже не принимая во внимание какие-либо его стихотворения, можно быть уверенными в том, что Лермонтов отнюдь не помышлял совершенно отрицать или огульно чернить прошлое своей страны. Писавши заметку, он был движим иными побуждениями.

Попробуем пройти по тексту заметки.

Первая ее фраза содержит столь категоричное суждение, что его, без какого-либо обоснования, попросту бессмысленно принимать или тем более восхвалять. Вне контекста, само по себе это суждение, быть может, выглядело оригинальным в пору Лермонтова, для нас же с нашим историческим опытом оно лишь хлестко.

В отличие от Лермонтова и его окружения нам значительно чаще доводилось знакомиться с не менее решительными утверждениями относительно прошлого нашей страны: его в лучшем случае как некую предысторию признавали люди, понимавшиеся на борьбу с крепостничеством и самодержавием, затем большевики, утверждавшиеся во власти, а ныне его старательно чернят люди, осознающие себя чужаками в нашей среде. Поэта Лермонтова невозможно признать предтечей революционеров, нигилистов и очернителей. Он отвергал прошлое потому, что был погружен в него. Он дерзал возвышать голос против взрастившей его социальной системы, но оставался ее скромным винтиком. Он не знал, как вырваться за пределы своего времени, и потому не мог пойти дальше мечтаний об улучшении родной ему социальной системы.

Категорическое суждение, казалось бы, следовало обосновать какими-то историческими фактами или подкрепить хотя бы подобием доказательств, пусть даже лишь похожих на тогдашнюю ученость. Вместо них обоснованием служит «сказка» (!). Ученому человеку того времени, даже публицисту В.Г. Белинскому, обращавшемуся к фольклору, такое обоснование весьма серьезного вопроса вряд ли пришло бы в голову. Узнай они о таком обосновании, они сочли бы его и наивным, и неуместным.

Вторая фраза заметки вполне делима на три части. Ее зачин «Сказывается сказка» прямо указывает на то, каким себе представлял Лермонтов ее содержание в последующем. Для него это, конечно, был вымысел, наподобие рассказанного его предшественником Пушкиным, с обязательным резонирующим примечанием: «Сказка – ложь, да в ней намек...»

Далее Лермонтов записал слова о том, что Еруслан Лазаревич «сиднем сидел 20 лет и спал крепко». Если бы он ограничился только упоминанием о поневоле сидне, это можно было бы принять за перепев того же мотива из рассказа об исцелении Ильи Муромца, где действительно от варианта к варианту, независимо от времени и места записи, упорно повторяется утверждение о сидне Илье, который с рождения «не владел ногами» или «не владел ни руками, ни ногами». Будь только этот мотив сидня в заметке Лермонтова, можно было бы уверенно полагать, что в данном случае перед нами перенесение мотива, прикрепление его вместо традиционного Ильи Муромца к Еруслану Лазаревичу, популярному герою одноименной лубочной, а позже и волшебной сказки. Отмечая перенесение, мы получали бы возможность говорить еще об одной попытке, явно чьей-то личной и поздней по времени, приобщить Еруслана Лазаревича к традиционному составу русских богатырей.

Однако ни в одном тексте, содержащем рассказ об исцелении Ильи Муромца, а их многие десятки, от ранних рукописных и лубочных до записей второй половины XX в., не утверждается, что Илья с рождения и до исцеления спал беспробудным сном, – напротив, он рос и мужал и сиднем, он узнавал что-то о событиях в своей стране, иначе не устремился бы в Киев тотчас по исцелении. После своего рождения, если оно описано, не спит «крепким сном» ни один былинный богатырь, ни один герой русских богатырских сказок, – напротив, они оказываются деятельными сразу после рождения. Не спит и традиционный Еруслан Лазаревич, герой одноименной лубочной и волшебной сказок, – как и подобает народившемуся богатырю, он растет не по дням, а по часам; играючи со сверстниками, по нечаянности калечит их; быстро взрослеет и мужает. Народная традиция, следовательно, не соединяла мотив рождения богатыря с мотивом последующего его сонного состояния. Она и не могла их соединять, потому что оба состояния фольклорного героя несоединимы, несовместимы. Народный рассказчик или певец просто не мог себе представить рост и мужание богатыря в состоянии многолетнего крепкого сна: одно состояние исключает другое. Поэтому нужно признать, что соедине-

ние этих мотивов в заметке Лермонтова совершенно человеком несведущим, по-настоящему не знающим русскую фольклорную традицию.

Следующая за этим соединением связка «и встал и пошел» не поддается разгадыванию из-за отсутствия причины, побудившей Еруслана восстать от «крепкого сна». Между тем в народной традиции непременно потребовалось бы объяснить слушателям, отчего и как произошло пробуждение героя.

Заключительная часть второй фразы в заметке Лермонтова о том, что Еруслан Лазаревич «побил» множество королей и богатырей «и сел над ними царствовать», также удивляет своей нефольклорностью. Лубочный или сказочный Еруслан Лазаревич вовсе не воевал с королями: даже в этой, на первый взгляд мелочи, налицо проявление нетрадиционности. Народный Еруслан отнюдь не выступает завоевателем и покорителем. По ходу повествования лубочный или сказочный Еруслан упорно ищет сильнейшего противника и самую красивую на свете царевну, а попутно он выступает спасителем, защитником, воителем, восстанавливающим справедливость, – иными словами, Еруслан неизменно описывается как подлинный русский богатырь.

Эти качества героя понял и по-своему передал старший современник Лермонтова, хорошо известный сочинитель компилятивных «сказок» В.А. Левшин. Вот что рассказывает у Левшина богатырь Сидон о Еруслане Лазаревиче: «Я был очевидцем ста двадцати поединков его со славнейшими богатырями, из коих повсегда выносил он победу. Редкого из покоренных им богатырей лишал он жизни, а только в необходимых обстоятельствах сопротивления довольствовался отнятием оружия у побежденного. Сие собирал он и хранил в особой пещере, находящейся в горах Кавказа. Мы объехали с ним почти весь восток, наполняя следы наши честью и славою» [Левшин, 1991, с. 317].

Но тот же Левшин, между прочим, собственными ушами слышавший пение былины о Добрыне и его оруженосце, совершенно не по-былинному напридумывал и изобразил Добрыню Никитича завоевателем и покорителем: «Он разбил троекратно воинство греков, побрал их города, лежащие на Черном или Меотийском озере. Херсон неприступный покорился его руки, и сия отверзла в него путь торжествующему Владимиру. Враждебная Польша не смела напасть на Белоруссию. Ятвяги, радимичи, косоги и певцины платили покорно дани, понеже трепет наполнял их от одного имени богатыря сего. Он в жизнь свою убил четырех чудовищ, сорок богатырей и разбил с одним слугою своим Таропом 19 воинств» [Там же, с. 58].

Как видим, по своему мышлению Лермонтов и Левшин совпадают. Не важно, читал ли Лермонтов Левшина. Возможно, что и читывал, однако тут сказалось, скорее всего, не влияние Левшина. Сама атмосфера непрерывных войн, которые вела империя, настойчиво приводила разных людей, прежде всего участников войн, к тому, что у них мысль о защите Отечества, между прочим, главенствующая в народном эпосе, постепенно сближалась, сливалась и даже, наконец, подменялась мыслью о необходимости завоевания соседних земель.

В этом плане, как представляется, и следует прочитывать заметку Лермонтова. Ее подтекст очень решителен: войны, которые вела империя в прошлом, были всего лишь «крепким сном» по сравнению с теми войнами, которые она ведет в настоящем и будет вести в будущем, во имя своего укрепления и процветания, – и горе королям, осмеливающимся ей перечить.

В творческом же плане заметка Лермонтова представляет собой, безусловно, сугубо личный акт, весьма условно, как момент отталкивания, использующий фольклорные реалии.

Литература

Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. Л., 1981. Приложение. Планы, наброски, сюжеты.

Левшин В.А. Русские сказки, содержащие древнейшие повествования, сказки народные и прочие, оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключениями // Библиотека русской фантастики в 20 томах. Т. 3. Кн. 1. Старинные диковинки. Волшебно-богатырские повести XVIII в. М., 1991.